

УДК 32:82–344

Ковалёв В.А.

(г. Сыктывкар)

ПОЛИТИКА И ФАНТАСТИКА

Аннотация. Современная фантастика, ставшая особым жанром в художественной литературе, изобразительном и киноискусстве, отличается использованием фантастических смыслов, предположений и допущений. Фантастика – это своего рода параллельная вселенная, подразумевающая построение моделей общественного и политического развития, эволюции человеческой цивилизации как таковой. Эти и другие вопросы затронул эксперт Регионального отделения Российского общества политологов в Республике Коми, доктор политических наук, профессор кафедры политологии и международных отношений Сыктывкарского государственного университета В.А. Ковалёв в своём интервью. Вопросы задавал кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и права Московского государственного областного университета С.Н. Федорченко.

Ключевые слова: политология, утопия, политическое прогнозы, фантастика.

V. Kovalev

(Syktyvkar)

POLITICS AND FICTION

Abstract. Modern fiction, which has become a special genre in literature, cinema and fine arts, is characterized by the use of fantastic meanings, suppositions and assumptions. Fiction is a kind of parallel universe which implies the construction of models of social and political development, the evolution of human civilization as it is. These and other questions were raised in an interview by V.A. Kovalev, the expert for the Regional Branch of the Russian Society of Political Scientists in the Komi Republic, Doctor of Political Sciences at the Department of Political Science and International Relations of Syktyvkar State University. The questions were asked by S.N. Fedorchenko, Candidate of Science in Politology, Associate Professor at the Department of Political Science and Law of Moscow State Regional University.

Key words: political science, utopia, political forecasts, fiction.

– Виктор Антонович, зачем нужны исследования политики через призму фантастики?

– Думаю затем, что в этом жанре наиболее ярко проявляется состояние утопического сознания, надежд и страхов общества, которые довлеют

в данный исторический период. Классические утопии, конечно, важны, но эти тексты уже сотни раз исследованы вдоль и поперёк. А вот посмотреть на то, что сочиняют сейчас, – пускай это будет, самый что ни на есть «трэш» – это, на мой взгляд, весьма познавательно. И в качестве прогноза, в том числе. Яркий, но трагический пример: недавние события на Украине стали даже для многих аналитиков неожиданностью; между тем, за несколько лет до начала этой войны она описывалась в ряде фантастических романов – не в точных деталях, конечно, но как «предчувствие»¹. Фантаст может позволить себе гораздо больше, чем автор научной монографии – раскрепощается интуиция, можно пометчать, поставить множество мыслительных экспериментов.

Кроме того, фантастика многими воспринимается не совсем правильно. Особенно теми, кто читал в далёком детстве про всякие технические чудеса. Действительно, в определённый момент, фантастика может увлечься прогнозом невиданных изобретений (вдохновляющий пример здесь «Новая Атлантида» Ф. Бэкона). Но, на наш взгляд, гораздо более характерно для утопий и фантазий представлять идеальное государство и совершенное общество, обсуждать именно социально-политические проблемы. Будоражащий воображение миф об Атлантиде, в основе которого диалоги Платона «Тимей», «Критий» [3], – о чём он? Неужели только о невиданных материальных достижениях ушедшей цивилизации...

Кстати, о Платоне. Недавно я перечитывал его «Законы». Там трое мудрецов обсуждают ситуацию, которая якобы имела место в прошлом. После стихийного бедствия (потопа) выжившие в горах люди постепенно приходят к необходимости учреждения нового государства. Дискуссия идёт о природных условиях, от которых это государство будет зависеть, о необходимых и разнообразных законах, которые нужно принять, чтобы добиться справедливого и правильного устройства... Так ли уж это отличается от сюжетов фантастических романов, где остатки какой-нибудь космической экспедиции, на далёкой планете обустроивают свою колонию, покоряют местную природу и обретают те или иные социальные институты? Конечно, в художественных произведениях главное сюжет, действие, но без достоверных «декораций» оно будет выглядеть неубедительно. Так что проекты «идеальных государств» сочиняются многими фантастами.

Ну, и ещё не удержусь, чтобы не сыронизировать. Мне кажется, что во многих фантастических произведениях, где сюжет связан со «злыми инопланетянами», захватывающими Землю, порой гораздо больше политического смысла, нежели в иных диссертациях о виртуальных «выборах» номи-

¹ Украинская война прогнозировалась, например, в следующих фантастических боевиках [6; 7; 8].

нальных «партий» и т. п. Таков, например, сериал «Визитёры», который, к сожалению, перестали снимать после двух сезонов.

– В своей новой книге «Наша фантастическая политика. Социально-политические утопии в современной фантастике: Россия между прошлым и будущим» [2] Вы рассматриваете феномен политических смыслов в современных фантастических фильмах. Расскажите, пожалуйста, об этом подробнее.

– Фантастические фильмы и сериалы в книге, пусть и научно-публицистической, используются в основном, в качестве примера, наглядной и многим известной иллюстрации. Приходилось уже не раз объяснять, что я отношусь к использованию этого материала не как любитель фантастики, не рассматриваю фантастическую литературу через призму литературоведения (а основные работы о фантастике написаны именно филологами и литературными критиками) и уж тем более, не занимаюсь «кинокритикой».

Но на экранах иногда появляются очень интересные вещи. Скажем, философия «Матрицы» (особенно первой) обсуждается в ряде монографий и сборников. В «Аватаре» явственно проступает экологическая проблематика. Недавний фильм «Превосходство» – прекрасная иллюстрация мечтаний трансгуманистов о переносе человеческого сознания на другой носитель, возможностях нанороботов и т. д.

Популярные фильмы хороши тем, что доносят до массового зрителя в популярной форме современную проблематику, в том числе и политическую. Вот в сериале «Подозреваемый» машина следит за всеми людьми, любой телефон может быть отслежен, любой компьютер взломан, любой Homo sapiens найден и идентифицирован. И сотни фильмов, фантастических и не очень, показывают то же самое. «Большой Брат» уже восторжествовал? И как жить в этой антиутопии? Можно ли сопротивляться?

Кроме того, ведь можно прибегнуть к «конвергенции» между коммерческими фильмами и вполне серьёзными текстами. Не говорю уже о том, что когда пишешь что-нибудь «футурологическое» можно стимулировать воображение соответствующей кинопродукцией. Несколько лет назад мне попала переводная серия «Философия поп-культуры». Там вполне серьёзные учёные из солидных университетов (не российских, конечно) в довольно ироничной форме, но с серьёзными намерениями обсуждают философские, социально-политические, социокультурные проблемы: на примере «Сумерек», «Гарри Поттера» [1] и т. д. И – не стесняются этого!

Конечно, это дело вкуса. Сам я, например, люблю развлечься историей очередного незадачливого автора о «попаданцах» в прошлое, но терпеть не

могу «вампирических саг». При этом стоит отдавать себе отчёт, что истории про «бессмертных-кровососущих» как-то очень убедительно иллюстрируют некоторые аспекты выживания в мире, захваченном представителями финансовой олигархии.

«Поттериана» у меня тоже не вызвала восторга, но моим детям нравится, и многие студенты читали. Почему бы, спрашивается, не использовать подобный материал для объяснения проблем той же политической науки? Я уже не говорю про классические антиутопии. Как при объяснении тоталитаризма обойтись без чтения Оруэлла? И, напротив, многие учебники по философии, социологии, политологии (и многим другим курсам – это какая-то мания – выпускать горы учебных пособий!) у нас написаны с такой удручающей серьёзностью, что нормальный студент их никогда не осилит. Из-за скуки.

Если хочешь лучше понять серьёзные проблемы, то, на мой взгляд, можно иной раз обращаться и к «несерьёзному» материалу. Гораздо хуже другое: когда за наукообразной формой нет реального содержания вообще. Скажем, заимствование и подражание американской социологии-политологии, у нас порой превращается в разновидность карго-культа. К изучению реальных социально-политических проблем это имеет примерно такое же отношение, как макеты самолётов из тростника к настоящим «летающим крепостям».

– Каково значение утопий и антиутопий для осмысления мира политического?

– Эта тема необъятна. Я бы выделил своеобразную интеллектуальную «разведку» будущего, борьбу с разнообразными страхами и предупреждение наихудших сценариев.

В советские времена у нас были очень неплохие традиции изучения утопий и антиутопий, в том числе, многое внимание уделялось и фантастике того периода. Например, в ИНИОНе такую работу вела Виктория Атомовна Чаликова (можно было бы назвать и целый ряд других достойных имён). Это направление было полузакрытым, на старых инионовских изданиях стоит гриф ДСП² и т. п. Но, читая гору этих сборников [4], я просто поражался тому, как много было описано и осмыслено, несмотря на спецхраны, цензуру и пр. К сожалению, в постсоветский период многие разработки были забыты. Это связано не только с текущей организацией науки, с погоней за краткосрочными грантами и соответствующим «форматом» заявок-проектов, но само общество как будто гораздо меньше интересуется

² ДСП – Для служебного пользования

ся собственным будущим. По телевизору сплошные «старые песни о главном». И это грустно.

Зато фантастических книг выходит, пишется неизмеримо больше, чем в советские времена. Несмотря на горы некачественного материала, серьёзная проблематика, связанная с (анти) утопиями встречается довольно часто.

Через описание всяческих возможных ужасов, люди как бы вытаскивают свои разнообразные страхи на свет божий – и делается уже не так страшно. Кроме того, (возможно, здесь я излишне оптимистичен), обнаружение той или иной фантазии-дистопии позволяет избежать реализации самого страшного сценария, хотя, конечно, не спасает от всех бед. К примеру, горе-политики доигрались до Карибского кризиса, но сценарий выживания остатков человечества после ядерной войны остался на страницах фантастических романов.

– Произведения, написанные в жанре альтернативной истории, по сути, также содержат в себе самые разные модели политического процесса. В связи с этим возникает вопрос, почему в современной России так популярны романы о попадании в прошлое с целью его корректировки?

– «Альтернативная история» популярна не только у нас. Сам Арнольд Тойнби написал несколько «альтернативок». В англоязычной фантастике горы книг и в русле «альтернативной истории», и о том, какие были бы возможны альтернативы, если бы, скажем, наш современник оказался в теле (или сознании) героев той или иной эпохи, скорректировал бы её, «исправил» бы историю и т. д. Разумеется, можно считать это всё невозможной глупостью и праздными фантазиями. Но фантастика – это, в основном, не про будущее и не о прошлом – о настоящем.

Популярность произведений об «альтернативах» и «попаданцах» многое может сказать о современной России. А сейчас это просто какое-то поветрие. Издаются, а значит, и читаются сотни романов о «попаданцах». С учётом сетевой литературы количество подобных произведений просто не поддаётся подсчёту. Поэтому сделать здесь точные подсчёты попросту невозможно. Но я попытался проследить популярность «хронополитических маршрутов» на примере только одной серии – и удивления это не вызвало; думаю, что в целом наши «попаданцы» стремятся, прежде всего, в лето 1941 г., а другие маршруты хронопутешествий проложены так, чтобы предупредить революцию 1917 г., иногда на «дальних подступах», например, обеспечив победу в войне с Японией или вмешавшись в деятельность кого-то из предшественников последнего российского императора. Есть,

конечно, и другие «направления для машины времени» – скажем, всё больше появляется энтузиастов, стремящихся сохранить СССР, предотвратить установление татаро-монгольского ига или просто подурачиться, но, повторяю, среди отечественных «корректировщиков истории» вмешательство в катастрофу начала Великой Отечественной войны или предотвращение Красной Смуты – это самые популярные сюжеты.

Думается, что в особых комментариях это не нуждается. Трагедии прошлого века продолжают бередить нам душу, и стремление хотя бы виртуально их «исправить» носит ярко выраженный психотерапевтический эффект. Иногда мне даже кажется, что через эти, зачастую довольно наивные романы о несуществующих событиях с нами как бы «говорят» миллионы неродившихся русских людей, чьи потенциальные родители погибли на фронтах, в лагерях или просто были заняты отчаянной борьбой за выживание, попав под раскулачивание или каток «радикальных экономических и политических реформ». И в этом нет никакой мистики. Несмотря на все победы и подвиги, Россия проиграла свой XX в. – и эта национальная травма даёт о себе знать даже в такой экзотической области, как сочинение военно-исторической фантастики.

– Могло ли быть по-иному?

– В своё время группа «прорабов перестройки» выпустила наивно-претенциозный сборник «Иного не дано», тем самым, утверждая безальтернативность этой самой «катастрофы». (Хотя отсутствие альтернатив с либерально-демократическими принципами как-то не очень вяжется).

Думаю, что альтернативы всегда есть и будут, и были, конечно. Сейчас уже ничего, разумеется, исправить и переиграть нельзя, но понять эти прошлые альтернативы, упущенные возможности, просто пофантазировав о них, даже на уровне школьной истории – это не совсем бесполезное и глупое занятие, хотя как любое сильное увлечение может стать своеобразным наркотиком.

Допустим, что фантазии о «попаданцах» – это подростковая глупость, но ведь споры о том, что значат для страны Сорок первый, Семнадцатый, Девяносто первый «и другие годы» кажутся нескончаемыми. Можно ли, отвергая версии о главной роли «заговора»,пломбированном вагоне, «предателе Горбачёве», масонах и т. п., делать упор исключительно лишь на развитие внутреннего кризиса, как это можно прочесть у некоторых маститых историков? Порой какой-нибудь сочинитель альтернативной фантастики с нетвёрдой четвёркой по истории выглядит более убедительным, если не впадает в одну из крайностей.

Не нужно быть Дэвидом Истоном, чтобы понимать, что политическая система того или иного государства существует и во внутренней и в международной среде. И в последней есть много желающих поспособствовать обострению внутреннего кризиса. Наша страна и в начале, и в конце прошлого века терпела величайший урон, нещадно грабилась: революция и перестройка – это не только людские, но и огромные материальные потери. Значит, по совету древних римлян, надо посмотреть *кому* (это было) *выгодно* – и в такой постановке нет никакой «конспиралогии»; наоборот, «конспирологом» становится тот, кто по глупости или сознательно игнорирует очевидные факты. Вот авторы «альтернативок» как могут и «корректируют историю», то есть мифы, злонамеренно внедряемые нам в головы под видом «науки».

Я всё это читаю, изучаю, в том числе и потому что свой последний фантастический роман оставил незаконченным в подростковом возрасте. Однако, если бы я тоже стремился «поиграть в альтернативы», и вместо статей для научных журналов принялся бы сочинять роман для какой-нибудь фантастической серии, то положил бы в основу сюжета предположение, что Россия смогла использовать углеводороды (гораздо раньше, и гораздо больше), чтобы вырваться, хотя бы на прошлый век, из мальтузианской ловушки относительного перенаселения, циклически губительного для аграрных обществ. Можно было бы помечтать, как наша страна раньше бы перешла на индустриальную основу развития и эта индустриализация не была бы столь уродливой и однобокой, как в «текущей реальности». То есть «держава» не гнала бы нефть и газ в обмен на необходимые товары и продовольствие, а больше бы использовала углеводороды для собственного развития. Дотянуть до «нефтяного счастья», не свалившись в войны и потребление на низком уровне.

Другая реальность – «американская мечта» – как раз и имела нефтяное основание: и в транспорте, и в сельском хозяйстве, и в производстве искусственных материалов. А нашим бедным советским согражданам, нашим предкам оставалось недопотреблять, давиться в очередях за самым необходимым, мыкаться по общежитиям и коммуналкам и отчаянно завидовать жителям «цивилизованных стран» – вот какую альтернативу стараются предотвратить патриотические «попаданцы».

Можно спросить, к чему политологу все эти литературные глупости? Ну, хотя бы для лучшего понимания нынешней ситуации, связанной с новым натиском на Россию. Говорят, из-за Крыма. Но ещё до крымского повода, был скандал с Pussy riot. Международное право, права человека – всё это прекрасно, но вряд ли отменяет мораль басни «ты виноват уж тем, что хочется мне кушать». Мировые ресурсы заканчиваются, и у России их хотят отобрать, используя как существующие противоречия, так и механизм, специфику политического режима, а также ослабить национальные интересы.

Местные ретрансляторы идей западного обществоведения любят при случае посмеяться над «играми с нулевой суммой». Но в глобальном масштабе идёт игра именно с нулевой суммой. Тут нищета одних связана со сверхпотреблением других, так как ресурсы, доступные при данном уровне развития технологий, конечны, дефицитны и за них ведётся острая конкуренция, очень далёкая от правил честной игры и демократии – очень многие хотят, чтобы мы продолжали заблуждаться на этот счёт.

– Виктор Антонович, в своей книге Вы рассматриваете термин «постчеловеческая политика», подразумевающая вопросы взаимодействия в будущем людей, киборгов, искусственного интеллекта и т. п. Как Вы считаете, насколько существенными могут быть социально-политические последствия развития NBIC-технологий для человеческой цивилизации? Есть ли риски?

– Риски здесь запредельны. Эксперименты с нано-, био-, информационными и когнитивными технологиями, а тем более их сочетание, гораздо более опасны, чем атомное оружие или «мирный атом». Написан уже ряд интересных работ на эту тему [5]. Надо быть очень осторожными, но, похоже, что и выбора особого нет. Если не будут осуществлены новые научно-технологические прорывы, не произойдёт кардинальных изменений в получении и/или использовании энергии, то всё довольно быстро закончится «как обычно», по Мальтусу. То есть войной за убывающие ресурсы, распространением голода, эпидемий, резким сокращением численности населения, но уже в масштабах истощившейся глобальной «экологической ниши». Хорошо, если оставшиеся люди смогут выжить и как-то противостоять волне неизбежной варваризации – почитайте литературу в стиле кибер-панк: там совершеннейшая дикость (масштабное социальное одичание) сосуществует с сохранившимися и даже развившимися высокими технологиями.

Темы, связанные с киборгами, химерами, искусственным интеллектом и т. п. оставим пока фантастам и «трансгуманистам». Хочется только заметить, что даже представление об этом, как о чём-то достижимом, и даже небольшое движение в этом направлении чревато очень серьёзными опасностями.

Для примера, навскидку:

1) Увеличение средней продолжительности жизни и состояние пенсионной системы, что является сейчас предметом политических дебатов во многих странах.

2) Возможность искусственного улучшения ряда человеческих способностей. Для кого? Как поведут себя избранные и остальные? Не будет ли

род человеческий разделён непреодолимой пропастью?

3) Выяснение отношений между ныне существующими элитами и теми, кто поднимется на «конвергентных» технологиях. И многое-многое другое.

И без изучения политических аспектов этих новых проблем не обойтись – особенно, если не решены старые. Скажем, если сегодня жители многих муниципальных образований не имеют возможности хотя бы выбрать себе мэра из реальных альтернативных кандидатур, то неужели можно представить, что им будет предоставлена возможность выбора в случае, допустим, новых гипотетических успехов в геномной инженерии или чего-то подобного. Кто и как будет принимать решения?

– Многие отечественные и зарубежные фантасты писали и до сих пор пишут о мессианской роли человечества в освоении, покорении Космоса. Однако не считаете ли Вы, что современная человеческая цивилизация за последние десятилетия, прошедшие со времени космической гонки между СССР и США, не очень далеко в этом продвинулась?

– Такие ... даже не глобальные, а вселенские вопросы!

Очевидно, что попытки космической экспансии наткнулись на некий барьер. С чем он связан? С несопоставимостью безмерного Космоса и ничтожной продолжительностью человеческой жизни. Мы живём в масштабах планеты, а для выхода за её пределы нужны совершенно иные параметры. Ведь недаром, в так называемом «русском космизме», планировавшем «освоение Вселенной» и т. п., речь шла не просто о бессмертии, но и о воскрешении человечества. Мечты К. Циолоковского опирались на фантазии Н. Фёдорова.

Впрочем, оставим это. Проблема освоения Вселенной пока на повестке дня не стоит. Уместнее задавать другие вопросы. Например: почему при наших несомненных успехах и приоритетах в деле освоения околоземного космического пространства, большинство сограждан использует американскую навигационную систему? Вот тут и начинается актуальная экономика и реальная политика.

Вообще-то космическая проблематика – политическая не в меньшей степени, чем техническая. Та же самая пропаганда космонавтики – это же политический манёвр Хрущёва и т. д. Потом кто-то из писателей задался вопросом, а зачем нам проекты лунных поселений, если русские деревни вымирают? Или сейчас – готовиться ли к полёту на Марс, чтобы использовать полученные научные наработки в других областях или оставить это дело? А если кооперироваться в подготовке этой экспедиции, то как договориться при нынешнем состоянии международных отношений? Какие поли-

тические и экономические стимулы для реализации такого проекта и т. д.?
От политики даже в космос не улетитишь.

Литература:

1. Гарри Поттер и философия: Хогвартс для маглов / Под ред. Г. Бэшема. М.: ООО Юнайтед Пресс. 2011. 301 с.
2. Ковалёв В.А. Наша фантастическая политика: Социально-политические утопии в современной фантастике: Россия между прошлым и будущим. Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского ун-та, 2014. 172 с.
3. Платон. Филеб, Государство, Тимей, Критий / Пер. с древнегр. М.: Мысль, 1999. 656 с.
4. Социокультурные утопии XX века. Реферативные сборники. Вып. 1-6 / Отв. ред Чаликова В.А. М.: ИНИОН, 1979–1988.
5. Турчин А.В. Структура глобальной катастрофы. Риски вымирания человечества в XXI веке / Ред. Игорь Следзевский, Валерия Прайд. М.: ЛКИ, 2011. 432 с.
6. Березин Федор. Война 2010. Украинский фронт. М.: Яуза, Эксмо, 2009.
7. Бобров Глеб. Второй Украинский фронт. Эпоха мертворожденных. М. Эксмо, 2009.
8. Савицкий Георгий. Поле боя – Украина. М.: Эксмо, 2009.